

century, the Russian culture-plain regions of Chechnya (Tersko-Sunzh interfluve), Dagestan, Kabarda, Karachay, not to mention Ossetia, have never fought against the Russian authorities. The article concludes that the poet Rasul Gamzatov had a full basis to write: "The Caucasus was captured by Pushkin's Russia"

Keywords: Russia, North Caucasus, Russian culture, culture of the peoples of the North Caucasus.

Г. Д. Гриценко*

Российская идентичность и политика идентичности как факторы сохранения культурного наследия и обеспечения национальной безопасности**

В статье обосновывается необходимость укрепления российской идентичности и доказывается ее значимость для сохранения культурного наследия и обеспечения национальной безопасности. В результате проведенного автором категориального анализа понятия идентичности была показана важность перехода от психологической трактовке идентичности к социологической. Установлено, что соответствует задачам нашего исследования понятие идентичности, данное в рамках символического интеракционизма, где делается акцент на теории социализации в качестве основы для теории идентичности. Идентичность трактуется не только как социально обусловленный результат диалектического взаимодействия Я и Мы по поводу культуры, ее обычаев и нравственных императивов, этнических и религиозных особенностей, и др., но и результат, достигнутый воспитательными практиками. В таком контексте целесообразно говорить о политике идентичности, реализуемой, прежде всего, государством. И здесь на первый план выходит популяризация культурно-исторического наследия.

* ГРИЦЕНКО Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории конфликтологии Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Ставропольского государственного медицинского университета, Ставрополь, Россия. Электронная почта: dissovet@rambler.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00038 «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности».

Ключевые слова: идентичность, социальная обусловленность, воспитательный аспект, политика идентичности, историческое и литературное наследие.

В последние десятилетия современный мир столкнулся с серьезными глобальными вызовами, обусловленными как социально-экономическими, этнополитическими, культурно-конфессиональными изменениями, стремлением осмыслить эти процессы, а также искусно проводимой информационной войной. Одним из таких вызовов стало появление в динамично изменяющемся социуме множества социальных групп, которых традиционно относят к маргинальным, то есть группам, находящихся на границе различных социальных групп, культур, систем и испытывающий влияние их противоречащих друг другу норм, ценностей и т.д., в результате чего формируется мозаичное самосознание. Маргиналы вынуждены искать свое место в быстро меняющемся социальном мире. В результате актуализировалась проблематика идентичности.

Встречаясь с понятием «идентичность», возникает потребность задуматься над истоками одного из самых неясных терминов в современной социогуманитарной науке. Распространение в научном поле этого понятия связывают с психолого-антропологическими исследованиями Э.Г. Эриксона в 40–50-е гг. XX в. О сложности трактовки введенного им термина Э.Г. Эриксон писал: «Концепты идентичности скорее находятся в обыденном мышлении или, в любом случае, в словаре широкого круга читателей разных стран — не говоря уже об их появлении в карикатурах, которые отражают интеллектуальную моду» [12, р. 17–18].

Идентичность, согласно теории Эриксона, есть стержень, вокруг которого строится психосоциальное равновесие личности, которое дает ей ощущение устойчивости и непрерывности своего Я во времени и пространстве, ее включенности в социум, взаимопроникаемости личного и социально-принятого типов мировосприятия: «В молодом человеке мы видим зарождение уникального соединения телесного облика и темперамента, одаренности и ранимости, инфантильных моделей поведения и приобретенных идеалов — со свободой выбора, которая будет реализовываться в доступных социальных ролях, профессиональном поле, в рамках предлагаемых обществом ценностей, заповедей учителей, образцах дружбы и первых сексуальных контактах» [12, р. 18–19]. Такое понимание идентичности неиз-

бежно, по Эриксону, предполагает учет роли семьи, воспитательных практик и исторической ситуации в формировании идентичности.

Исходя из этого в содержание идентичности обычно включали специфику культуры, ее обычаи и нравственные императивы, особенности этнических и религиозных характеристик, специфику материально-экономической деятельности, конкретно-исторические способы организации социального опыта [11, с. 47–48]. Именно поэтому появились такие определения идентичности как «национальный характер» (М. Мид), «модальная личность» (К. Дьюбуа), «статусная личность» (Р. Линтон), «социальный характер» (Э. Фромм).

Наиболее оптимальным с точки зрения рассматриваемой проблематики целесообразно обратиться к социологической трактовке идентичности, данной в рамках символического интеракционизма Дж. Г. Мидом. Под идентичностью Дж. Мид понимает результат постоянного диалога между внутриспсихическим «Я» и социальным «Мы», формирующегося только при помощи других людей, отражая тем самым интересубъективный космос социального мира. Дж. Мид тем самым выделяет осознаваемую и неосознаваемую идентичность, где под осознаваемой — понимается «Я» как индивидуально-неповторимая реакция человека на социальную ситуацию, то есть как процесс сознательного рефлексивного построения Я-концепции; а под неосознаваемой — «Мы» как социально детерминированный человек, как «представитель общества в индивидууме», а именно, как воспринимаемый человеком комплекс социальных норм, ценностей, культурных привычек [9, с. 225].

Дж. Мид настаивал на социально обусловленном конструировании идентичности, считая ее не врожденным атрибутом человека, а необходимым условием включения индивида в социум, его социальные группы. Эту точку зрения Дж. Мида разделяли и П. Бергера и Т. Лукмана, утверждая: «Идентичность представляет собой феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества» [3, с. 281]. Базируясь на положениях Дж. Мида о социальной обусловленности идентичности, П. Бергер и Б. Бергер акцент делают на теории социализации в качестве основы для теории идентичности. Формирование и развитие идентичности человека в процессе социализации предполагает его желание и возможность активно участвовать в поддержании определенного социального порядка при сохранении своей индивидуальности. Однако идентичность, по мнению

ученых, станет реальной для индивида, если его претензии на идентичность признаны другими [4, с. 88–89].

В контексте нами избранной проблематики следует обратиться к еще одному положению Дж. Мида: развитие идентичности идет по пути от неосознаваемой к осознаваемой. Но при слабости осознаваемой идентичности в условиях динамичности неопределенности и неоднородности социальных изменений появляется возможность «расщепления» идентичности человека [9], то есть его маргинальности, что в настоящее время и имеет место в современном обществе.

Итак, рассматривая идентичность как результат социального взаимодействия индивида и общества при приоритетности последнего, возникает потребность в целенаправленном воздействии социума на идентификационные процессы в целях сохранения социального единства, культурной самобытности и политической стабильности общества. Это нашло отражение в появлении в социальной практике и теории такого понятия, как «политика идентичности». Первоначально она возникает в США, где воспринималась как политика, направленная на интеграцию национального сообщества, формирование определенного представления о «нации», опирающегося на те или иные интерпретации «национальной» истории и культуры; на воспитания убеждения у граждан в том, что они составляют «единую нацию» и все вместе принадлежат к одному политическому сообществу. Ведь пока граждане государства стремятся к сохранению своей политической и культурной «особости», пока ставят свою национальную идентичность выше более узких этнических, классовых, конфессиональных или региональных принадлежностей, существует и нация [1]. Это находит отражение в политике обеспечения национальной безопасности.

Постепенно политика идентичности получает широкое распространение в Европе. Термин «identity politics» утверждается в рамках конструктивистской парадигмы анализа социально-политических изменений (П. Бурдьё, Т. Лукман) на волне подъема массовых социальных движений за права дискриминируемых социальных групп, первоначально употреблялся в значении «практики утверждения ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами, объединяющимися как носители особой идентичности (расовой, этнической, гендерной), права на общественное признание и легитимность [8].

Этот термин в 1990-е гг. начал использоваться и на постсоветском пространстве, хотя и недостаточно широко. В то же время после распада СССР российское общество столкнулось с комплексом социальных и ментальных сдвигов, определяемый как «кризис идентичности». Данный кризис был обусловлен не только необходимостью переосмысления представлений о «Нас» с учетом новых географических, политических и социальных границ, но и ростом геополитической конкуренции, острыми идеологическими конфликтами, которыми это переосмысление сопровождалось.

В наше время осуществление такой задачи государства, как обеспечить интеграцию населения постсоветской России в единое сообщество, затруднено как никогда, поскольку глобализация, как справедливо отмечает Р. Ле Коадик, с одной стороны, «ослабляет мощь национальных государств, которые отчасти утрачивают свою способность навязывать идентичность и узаконивать категории учета. С другой стороны, она сопровождается развитием миграций, которые по-новому ставят вопрос об идентичности» [5, с. 129]. Появление в результате миграционных процессов новых меньшинств усложнило и усугубило «многовековые противоречия между универалистскими принципами, объявленными американской, французской и русской революциями, и особенностями, связанными с национальной, этнической, религиозной, гендерной, «расовой» и языковой принадлежностью. Конфликты, обусловленные поиском идентичности, ... стали повсеместным явлением...». Такую оценку процессам в глобализирующемся социуме дала Сейла Бенхабиб [2, с. XXXI.].

Кроме этих общеуниверсальных факторов, обусловивших противоречивость политики идентичности, проводимой в современной России, необходимо учитывать и собственно российские. Так, это выбор основания идентификации сообщества, стоящего за российским государством, то есть ответ на вопрос: «Как Нас называть?». На этот счет нет единого мнения. В современном политическом лексиконе есть разные обозначения: «многонациональный народ Российской Федерации», «граждане России», «россияне», «русские» и др. В последнее время стала обсуждаться идея о принятии закона о российской нации [10]. Очевидно права О. Ю. Малинова, полагающая, что за этими терминологическими различиями стоят когнитивные и мировоззренческие противоречия, которые усугубляют синдром «кризиса идентичности» [6]. Поиски ответа на данный вопрос следует искать в истории

становления и развития государственности на территории нашей страны. И здесь, видимо, необходимо более корректно подходить к историческому наследию, содержащемуся в архивах, официальных документах и т.п., в том числе к юбилейным датам, например таким, как 100-летие со дня Октябрьской революции либо 100-летие со дня расстрела царской семьи; или к названиям фильмов о значимых вехах нашей истории: в частности стоило ли использовать название «Викинг» для фильма о Владимире-крестителе!?

Другим не менее важным аспектом проблемы политики идентичности стал вопрос о том, «Кого к Нам относить?», то есть вопрос о критериях принадлежности к сообществу, стоящему за российским государством. Согласно Конституции РФ — это граждане Российской Федерации. Но в официальном обороте есть еще два понятия — «соотечественники» и «русский мир». Однако оба эти понятия указывают на людей, которые проживают за рубежом, но по основаниям языка, культуры и иным узам связаны с понятием «Мы». Наличие данной системы категорий задает неопределенность этого аспекта политики идентичности [7]. Ответ на поставленный вопрос может помочь великая русская литература, литература народов, населяющих нашу страну. Это не только А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко, К. Л. Хетагуров, но и Муса Джалиль, Чингиз Айтматов, Даниил Гранин и другие выдающиеся литераторы. Проблема популяризации литературного наследия — это задача не только школы, но различных общественных организаций, в том числе национальных сообществ. Любая памятная дата того или иного писателя, поэта, и не только официально «раскрученного», как например А. И. Солженицына, но и, например, такого выдающегося литератора, как Кайсына Кулиева, которому 1 ноября 2017 г. исполнилось 100 лет со дня рождения, должна стать яркой вехой в развитии духовной жизни российского общества, неотъемлемой частью политики идентичности, без чего говорить о развитии и укреплении российской идентичности бессмысленно.

Таким образом, политика идентичности, которую российское государство проводит последние десятилетия с целью интеграции населения постсоветской России в единое социокультурное сообщество, обеспечения национальной безопасности характеризуется неопределенностью, непоследовательностью, нередко противоречивостью, что не способствует решению тех проблем, которые призвана устранить политика идентичности — обеспечить укрепление российской иден-

тичности как основы сохранения богатейшего культурного наследия и обеспечения национальной безопасности.

Использованная литература:

1. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 6.: Политология. Международные отношения. Вып. 4. С. 71–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-identichnosti-v-sovremennom-mire> (дата обращения 08.05.2018).
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
4. Бергер П. Л., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 93–102.
5. Ле Коадик Р. Мультикультурализм // Филиппова Е. Французские тетради. Диалоги и переводы. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2008. С. 125–149.
6. Малинова О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6. № 1. С. 5–28. URL: <http://www.vz.ru/politics/2016/10/31/841161.html> (дата обращения 28.06.2018).
7. Малинова О. Ю. Политики идентичности в постсоветской России // ПостНаука. 2015. 30 авг. URL: <https://postnauka.ru/video/51378> (дата обращения 18.06.2018).
8. Мартыанов В. С. Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа. М.: Ин-т мировой экономики и международной экономики РАН, 2011. С. 41–42.
9. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: тексты. М. Изд-во МГУ, 1994. С. 222–227.
10. Резчиков А. Путин поддержал идею «закона о российской нации» [Электронный ресурс] // Взгляд: деловая газета. 2016. 31 окт. URL: <http://www.vz.ru/politics/2016/10/31/841161.html> (дата обращения 01.02.2018).
11. Симонова О. А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 41–61.
12. Erikson E. H. Life History and Historical Moment. N.Y.: Norton, 1975.

Galina D. GRITSENKO

Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical
Anthropology, Philosophy of Culture), Prof., Chief Researcher,
Department of Conflict Management, Federal Research Center Southern
Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
Stavropol, Russia
dissovet@rambler.ru.

**Russian Identity and Identity Policy
as Factors of Preservation of Cultural Heritage
and Ensuring National Security**

The article substantiates the need to strengthen Russian identity, proves its importance for the preservation of cultural heritage, ensuring national security. As a result of the author's categorical analysis of the notion of identity, the importance of the transition from the psychological interpretation of identity to the sociological one was shown. It is established that the concept of identity, given in the framework of symbolic interactionism, corresponds to the tasks of this research. It focuses on the theory of socialization as the basis of the theory of identity. Identity is treated as a socially conditioned result of the dialectical interaction of the I and We with regard to culture, its customs and moral imperatives, ethnic and religious characteristics, etc. Identity is also interpreted as a result achieved by educational practices. In this context, it is advisable to talk about an identity policy implemented primarily by the state. And here, the popularization of the cultural and historical heritage comes to the forefront.

Keywords: *identity, social conditioning, identity, educational aspect, identity politics, historical and literary heritage.*